

А.А. Пожидаев,
доктор технических наук, профессор,
Краснодарский филиал Владимирского
юридического института ФСИН России

ПРЕВРАЩЕНИЕ ВЧК В «БОЕВОЙ ОТРЯД ПАРТИИ»

TRANSFORMATION OF THE ALL-RUSSIAN EXTREME COMMISSION INTO “A MILITARY GROUP OF THE PARTY”

Вопрос формирования и деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии и местных чрезвычайных комиссий является одним из самых актуальных в аспекте развития Советского государства. В статье показаны предпосылки их формирования, закрепления и расширения компетенции, влияние на этот процесс различных политических сил. Освещено взаимодействие Всероссийской чрезвычайной комиссии с некоторыми органами государственной власти.

The question of formation and activity of the All-Russian extreme commission and local extreme commissions is one of the most actual aspects of development of the Soviet state. This article runs about preconditions of their formation, fixing and expansion of the competence sphere, influence on this process of various political forces. The article deals with the interaction of the All-Russian extreme commission with some bodies of the government.

Всероссийская чрезвычайная комиссия являлась органом партии большевиков. «ЧК, — говорил Ф.Э.Дзержинский, — должна быть органом Центрального Комитета, иначе она вредна, тогда она выродится в охранку или в орган контрреволюции»[1] ЦК РКП(б) в феврале 1919 г. отмечал, что «ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии под ее директивами и под ее контролем... ЧК проявят всю свою преданность делу пролетарской революции... по директивам и указаниям партии»[2].

В первые месяцы существования ВЧК и местных чрезвычайных комиссий руководство ими со стороны партийных органов отличалось некоторыми особенностями. Одна из них состояла в том, что в январе — июне 1918 г. к участию в управлении Всероссийской чрезвычайной комиссией были допущены левые эсеры и представители некоторых других социалистических партий. Для того чтобы правильно объяснить факт вхождения левых эсеров в ВЧК, следует коротко остановиться на сущности и значении блока большевиков и левых эсеров, заключенного в декабре 1917 г.

После победы вооруженного восстания в Петрограде II съезд рабочих и солдатских депутатов образовал первое советское правительство — Совет Народных Комиссаров. Это правительство должно было быть временным, так как срок его существования был обозначен — до созыва Учредительного Собрания. В это правительство вошли представители одной партии — большевиков. Другие политические партии (за исключением левых эсеров) не поддерживали большевиков, считая их узурпаторами власти.

Некоторые руководители большевиков

(Г. Зиновьев, Ю. Каменев, А. Рыков, В. Милютин и др.) в первые дни после октябрьских событий поддерживали идею создания «однородного социалистического правительства», куда вошли бы представители всех социалистических партий «от большевиков до народных социалистов».

Однако эта идея не была реализована, так как Ленин и его сторонники считали, что такое правительство должно быть ответственно перед ВЦИК, избранным II съездом Советов (а там был перевес большевиков), а эсеры и меньшевики предлагали это правительство подчинить «широким кругам революционной демократии». Таким образом, политический компромисс не состоялся. После этого ряд членов СНК и ЦК большевиков подали в отставку, отмечая, что чисто большевистское правительство можно сохранить только средствами политического террора. Вскоре руководство большевиков предложило левым эсерам войти в правительственный блок.

При этом большевики учитывали прежде всего их открытые заявления о поддержке Советской власти, а также то обстоятельство, что за левыми эсерами шла значительная часть крестьянства, главным образом мелкого и среднего [3]. В конце ноября — начале декабря 1917 г. левые эсеры вошли в состав Совнаркома. Вошли они и в формирующие карательные органы. Левые эсеры возглавили наркомат юстиции, ведавший судебно-карательными органами и пенитенциарной системой.

Заключение правительственного блока большевистской партии с левыми эсерами имело одним из своих результатов допуск их к участию в управлении Всероссийской чрезвычайной комиссией. Большевистская партия в течение всего периода сотрудничества с левыми эсерами сохраня-

ла за собой общее политическое руководство деятельностью ВЧК. Это достигалось, прежде всего, благодаря тому, что ВЧК работала по директивам, получаемым непосредственно от Совета Народных Комиссаров, где преобладали представители партии большевиков. Кроме того, в руководящем ядре ВЧК большевикам принадлежало две трети мест [4], что давало им возможность обеспечить проведение Чрезвычайной комиссией политики Центрального Комитета большевистской партии и Совета Народных Комиссаров.

Члены коллегии НКЮ И.З. Штейнберг (нарком юстиции) и В.А. Карелин пытались усилить влияние эсеровской партии на ВЧК, поставив ее под контроль НКЮ. В свою очередь, руководство большевиков боролось против расширения влияния эсеров на карательные органы. Первый конфликт между большевиками и левыми эсерами по вопросу о ВЧК возник 18 декабря 1917 года.

В этот день ВЧК арестовала группу членов «Союза защиты Учредительного собрания», пытавшихся самочинно, вопреки декрету Совнаркома, открыть заседание Учредительного собрания. Совет Народных Комиссаров дал распоряжение ВЧК задержать арестованных до выяснения личностей. Однако члены коллегии НКЮ И. З. Штейнберг и В. А. Карелин освободили всех арестованных, не известив об этом ВЧК. В связи с вмешательством Наркомюста в компетенцию ВЧК вопрос о взаимоотношениях между ними на следующий день обсуждался на заседании Совета Народных Комиссаров. По предложению В.И. Ленина было принято постановление, подтверждавшее непосредственное подчинение ВЧК Совнаркому: «Совет Народных Комиссаров признает, что какие бы то ни было изменения постановлений комиссии Дзержинского..., как и других комиссий, назначенных Советами, допустимы только путем обжалования этих постановлений в Совет Народных Комиссаров, а никоим образом не единоличными распоряжениями комиссара юстиции»[5]. Совнарком признал выступление Штейнберга и Карелина и формально и по существу неправомерным, так как оно противоречило не только правам ВЧК, но и прямому решению Совнаркома о выяснении личностей арестованных.

На этом же заседании Совнаркома Штейнберг внес проект постановления, предусматривавший лишение ВЧК, комитета по борьбе с погромами, следственной комиссии при Петроградском Совете и военно-морской следственной комиссии права на аресты лиц, «выдающихся в политической жизни страны». Согласно проекту комиссии могли осуществлять эти действия только по ордерам, подписанным Народным комиссаром юстиции. Проект постановления преследовал цель установить контроль левых эсеров над деятельностью ВЧК и других комиссий, обладавших правом ареста. Совет Народных Комиссаров отверг и это требование левых эсеров об установлении кон-

троля над следственными комиссиями Народным Комиссариатом юстиции»[6, с.112].

21 декабря СНК снова вернулся к вопросу о взаимоотношениях между НКЮ и следственными комиссиями. Штейнберг представил на обсуждение совнаркома новый проект постановления, несколько отличавшийся от проекта, внесенного им 19 декабря. И в новом проекте он упорно пытался провести идею контроля Народного комиссариата юстиции над деятельностью ВЧК и других следственных комиссий.

В левоэсеровский проект постановления В.И. Ленин внес ряд редакционных поправок. Совнарком принял проект постановления в ленинской редакции. В постановлении указывалось, что ВЧК находится в непосредственном подчинении Совета Народных Комиссаров. Ее задача — беспощадная борьба с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Результаты своей работы она передает в следственную комиссию при Ревтрибунале или прекращает дело. Работа ВЧК протекает при ближайшем наблюдении народных комиссариатов юстиции и внутренних дел, а также президиума Петроградского Совета (а не только одного Наркомюста, как предлагали левые эсеры). Левоэсеровское предложение о том, чтобы аресты, имевшие выдающееся политическое значение, производились лишь с ведома Наркомюста, было отвергнуто шестью голосами большевиков против четырех голосов левых эсеров. По предложению В.И. Ленина этот пункт был принят в следующей редакции: «Об арестах, имеющих выдающееся политическое значение, Комиссии извещают Народные Комиссариаты Юстиции и Внутренних Дел» [6, с.113—114]. В случае конфликтов между комиссиями и народными комиссариатами юстиции, внутренних дел и президиумом Петроградского Совета, спорный вопрос передается на окончательное решение Совнаркома, причем исполнение принятых ВЧК мер не прекращается до их рассмотрения в СНК.

Таким образом, попытки левых эсеров установить через Наркомюст свой контроль над ее работой были Совнаркомом отвергнуты. Совнарком подтвердил непосредственное подчинение ВЧК правительству, определил ее место в системе Советского государства, ее взаимоотношения с другими органами советской государственной системы. Непосредственное подчинение Совету Народных Комиссаров обеспечивало контроль за деятельностью ВЧК не только со стороны Советского правительства, но и со стороны правящей, большевистской партии.

Потерпев неудачу в попытках подчинить ВЧК Народному комиссариату юстиции, левые эсеры стали добиваться установления своего контроля над Чрезвычайной комиссией другим путем. 7 января 1918 г. И. З. Штейнберг поставил на заседании Совнаркома вопрос о пополнении ВЧК левыми эсерами. Он предлагал, чтобы Цен-

тральному Комитету их партии было предоставлено право непосредственно вводить в ВЧК своих представителей. Ф. Э. Дзержинский выступил против предложения И. З. Штейнберга. Он заявил, что нельзя допустить пополнения ВЧК путем назначения новых ее членов непосредственно партией левых эсеров. Совет Народных Комиссаров признал желательным преобразование ВЧК путем включения в состав ее коллегии 5 представителей левоэсеровской фракции ВЦИК. Левым эсерам предоставлялся важный пост товарища (заместителя) председателя ВЧК. Расширению коллегии ВЧК за счет левых эсеров являлось в тех условиях политической необходимостью — оно способствовало укреплению блока большевиков с партией левых социалистско-революционеров. Однако Совет Народных Комиссаров, в котором большинство мест принадлежало представителям РСДРП(б), сохранял за собой право утверждения членов коллегии ВЧК. В постановление Совнаркома целиком вошло предложение Ф.Э. Дзержинского: «Утверждать кандидатов в члены Чрезвычайной комиссии Советом Народных Комиссаров» [7].

На следующий день левоэсеровская фракция ВЦИК представила в Совнарком список своих представителей в коллегию ВЧК — В.А. Александровича, В. Д. Волкова, Гуркина, М. Ф. Емельянова и П. Сидорова. Совет Народных Комиссаров утвердил всех, кроме Гуркина. Назначение В. А. Александровича и других левых эсеров членами коллегии ВЧК было подписано В.И. Лениным [8]. Таким образом, Совет Народных Комиссаров, сохранив за собой право утверждения членов ВЧК, обеспечивал тем самым свой контроль за составом Чрезвычайной комиссии.

28 января 1918 г. член коллегии Наркомюста В. А. Алгасов на заседании Совнаркома предложил создать новую «особую» комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. По проекту Алгасова два места из трех в руководстве этой комиссии должны были принадлежать левым эсерам [9]. Создание новой комиссии вызвало бы еще большую децентрализацию борьбы с контрреволюцией, а передача практического руководства ею в руки левых эсеров поколебала бы монополию большевистской власти. Совет Народных Комиссаров отклонил проект Алгасова [10].

Таким образом, в годы гражданской войны руководство чекистскими органами осуществляли практически все звенья партийного аппарата от Центрального Комитета РКП(б) до уездных комитетов включительно.

Партийное руководство включало в себя не только принятие партийными органами различных решений по вопросам деятельности чрезвычайных комиссий, но и безусловное подчинение последних директивам партии. Чекистские органы, находящиеся под контролем большеви-

ков, способствовали претворению в жизнь идеологических постулатов марксизма. Деятельность ВЧК была направлена на укрепление политической монополии РКП(б), на реализацию ее политической линии. Данная роль чекистских органов как «вооруженного отряда партии» неоднократно подчеркивалась и в выступлениях лидеров большевиков, и в партийных решениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Менжинский В.Р. О Дзержинском // Правда. — 1927. — 20 июля.
2. РГАСПИ. — Ф.17. — Оп.2. — Д.5. — Л.2.
3. Гусев К.В. От соглашательства к контрреволюции / К.В. Гусев, Х.А. Ерицян. — М., 1968. — С.190, 191.
4. К июлю 1918 г. из 20 членов коллегии ВЧК 13 были большевики, 7 — левые эсеры. См.: Феликс Дзержинский. 1926 — 1931. — С.167.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 54. — С.384.
6. Ленинский сборник. XX I.
7. Из истории ВЧК. — С.89.
8. РГА СПИ. Ф.19. — Оп.1. — Д. 43. — Л. 1 об., 12, 13.
9. ГА РФ. Ф.130.— Оп.2. — Д.21. — Л.3 об., 4.
10. Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. — С.299.